

Данные исследования, естественно, не являются исчерпывающими и требуют дополнительной проверки и подтверждения, т. к. все явления, происходящие в языке, связаны с разнообразными объективными и субъективными факторами, которые ещё недостаточно изучены. Это касается формирования и развития и педагогической лексики.

Несомненно одно, что область исследований даёт богатейший материал для лингвистического изучения не только английского, но и других европейских языков, их связей и взаимоотношений.

Библиографические ссылки

1. Вард Д. А. К изучению основного словарного фонда английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Вард. – М., 1952.
2. Кантор И. М. Педагогическая лексикография и лексикология / И. М. Кантор – М. : Просвещение, 1968. – 286 с.
3. Комаровский Б. Б. Русская педагогическая терминология / Б. Б. Комаровский. – М. : Наука, 1979. – 158 с.
4. Суворов Н. Средневековые университеты / Н. Суворов. – М., 1898. – 126 с.
5. Bacon F. The New Atlantis / F. Bacon. – Cambridge, 1900. – P. 2.
6. Bosworth and Toller. Anglo-Saxon Dictionary / Bosworth and Toller. – Oxford, 1898. – С. 838.
7. Daly L. J. The Medieval University (1200–1400) / L. J. Daly. – New York, 1961. – 201 с.
8. The New English Dictionary of the English Language. – Vol. 1–12. – Oxford, 1888–1933.

Надійшла до редколегії 30.05.11

УДК 811.161.1'367.624

С. В. Короткова

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НАРЕЧИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ

На матеріалі прислівників, вилучених з художніх творів, визначено і розглянуто лексико-семантичні групи прислівників, що характеризують мову персонажів.

Ключові слова: художній текст, прислівник, дієслова мовлення, лексико-семантична група.

На материале наречий, извлеченных из художественных произведений, определены и рассмотрены лексико-семантические группы наречий, характеризующих речь персонажей.

Ключевые слова: художественный текст, наречие, глаголы говорения, лексико-семантическая группа.

Lexical and semantical groups of adverbs have been selected and analysed. These adverbs characterize the fiction character's speech.

Keywords: fiction, adverb, verbs of speech, lexico-semantic group.

Высокая коммуникативная значимость наречных единиц в условиях современного общения (см. об этом: [14, с. 5]) обуславливает постоянный интерес лингвистов к этому пласту лексики русского языка. На сегодняшний день самый «молодой», «структурно и функционально подвижный класс» наречий [10] полу-

чил целостное описание в русистике в различных аспектах: в структурно-лингвистическом – как лексико-грамматический класс (В. В. Виноградов, М. В. Панов и др.), в логико-синтаксическом (М. В. Филипенко), в генетическом (А. К. Коневецкий, Н. В. Чурмаева), в территориальном (И. А. Попов), прагматическом (Л. А. Савёлова) и др.

В последние два десятилетия усиливается внимание лингвистов к проблемам функционирования наречий в художественном дискурсе. Так, в исследованиях, посвященных изучению качественного наречия, отмечается взаимодействие данной языковой единицы с соотносительными частями речи [3; 4; 5 и др.], расхождение семантики наречий и производящих имен в художественном тексте [8; 13], а также значимость качественного наречия как стилеобразующей единицы в художественном тексте и в поэтике [16; 11; 6; 7 и др.].

Наречная лексика прямо или косвенно привлекает внимание ученых и в связи с изучением особенностей репрезентации в художественном контексте речевой характеристики персонажей [1; 2; 18; 19 и др.]. Однако вне поля зрения исследователей до сих пор остаются многие вопросы, связанные с описанием наречий как репрезентантов многоаспектных характеристик речевого действия в художественном дискурсе. **Целью** настоящего исследования является выявление лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) наречий, распространяющих глаголы речевого поведения в художественном тексте. Материалом для исследования послужили более 200 наречий, отмеченных в контекстах, извлеченных из произведений Б. Акунина и Т. Устиновой.

При формировании и изучении ЛСГ наречий, выступающих в функции обстоятельственных конкретизаторов глаголов речи, мы опирались на идею глагольно-адвербиального поля, предложенную и разработанную в диссертационном исследовании Ю. В. Беспаловой [2, с. 103–120]. В понимании глагольно-адвербиального текстового поля речи автор, прежде всего, исходит из того, что это глагольное поле, в котором глагольное слово выступает в качестве основного средства обозначения акта говорения. Лексическое своеобразие глагольного слова, его смысловая емкость, семантическая уплотненность структуры определяют широкую синтаксическую сочетаемость глагола. Этот синтаксический статус глагола обусловлен его функциями: во-первых, он передает признак, протекающий во времени; во-вторых, глагол организует ситуацию, он является, по словам Д. Н. Шмелева, «как бы конденсированным выражением целой ситуации» [20, с. 48]. Глагол, будучи самой сложной и семантически емкой частью речи, наиболее конструктивен по сравнению с другими частями речи. Этот лингвистический фактор не может не сказаться на установлении решающего значения глагола при его синтагматических отношениях в области словосочетаний и предложений. В тексте глагол представляет собой структурный и семантический центр предложения, является выразителем предикативных категорий и предопределяет своими валентностями количество, форму и общую семантику окружающих его компонентов, в том числе и адвербиалий. Более того, исследователи отмечают, что связь с различными адвербиалиями, к которым ученые относят наречия, наречные сочетания, предложно-именные сочетания, деепричастия, деепричастные и сравнительные обороты, является характерной особенностью глагола как части речи. Основная функция адвербиалий, как известно, состоит в том, чтобы модифицировать глагольное действие соответственно выражаемым ими значениям [15; 9].

В соответствии с лексической семантикой, выражаемой обстоятельствами, в глагольно-адвербиальные поля речи входят наречия-распространители, характеризующие: 1) внешнюю сторону речевого процесса; 2) содержание высказывания; 3) внутреннее состояние говорящего; 4) эмоциональное состояние говорящего [2,

с. 106]. Опираясь на данную классификацию, сформируем и рассмотрим ЛСГ анализируемых наречий с учетом их иерархической соподчиненности друг другу.

Первая группа, объединяющая наречия, **характеризующие внешнюю сторону речи**, наиболее разнообразна по составу подгрупп и количеству входящих в них единиц. Здесь прежде всего выделяется подгруппа 1.1, включающая конкретизаторы, эксплицирующие акустико-физиологические характеристики процесса говорения: силу звучания, отчетливость и легкость произнесения речи, темп речи, тембр и тон голоса говорящего, интонацию и особенности артикуляции. В отдельные подгруппы выделены обстоятельственные распространители, характеризующие манеру говорить; форму речи; языковую систему, с помощью которой осуществляется коммуникация.

Подгруппа 1.1.1 включает антонимические парадигмы адвербиалий, выражающих силу, степень громкости звучащей речи. Ряд обстоятельств, включающих сему 'громко', представлен наречиями *громко, громогласно, громоподобно, оглушительно, неистово, истошно*. Ср.: *Марина ... закричала громко, на весь дом* (Устинова, На одном дыхании!, с. 133), *Димка Горин громогласно орал: Идиоты!* (Устинова, На одном дыхании! с. 207). Противоположный ряд с инвариантной семой 'тихо' составляют наречия *тихо, потише, тихонько, шепотом*. Ср.: «*Хорошо, Марк Анатольевич*», – *тихо* и обреченно сказала *Варя* (Устинова, На одном дыхании!, с. 82); «*Да что ж вы так волнуетесь!*» – *негромко* воскликнула *Марина* (Устинова, На одном дыхании!, с. 65).

Следует отметить, что нормальная, средняя громкость голоса автором обычно не отмечается, тогда как повышение или понижение голоса приобретает коммуникативную нагрузку. Динамика изменений этого параметра – важное акустическое средство кодирования невербальной информации [12, с. 302].

В подгруппу 1.1.2 вошли наречия, указывающие на отчетливость речи, легкость произнесения. При этом «положительные» обстоятельственные характеристики звучащей речи, содержащие семы 'легко', 'отчетливо', создаются при помощи наречий *внятно, легко, отчетливо, четко*; а противоположные – посредством наречий *невнятно, невыразительно, сбивчиво, небрежно*. Ср.: «*Фотосессия была у нее дома*», – *четко, как на летучке, ответил Прохоров* (Устинова, На одном дыхании!, с. 108); «*Да что это она выдумала?*» – *невнятно* из-за платка спросила *Мелисса у водителя* (Устинова, Пять шагов по облакам, с. 91).

Подгруппу 1.1.3 образуют антонимичные ряды наречий со значением скорости, темпа речи, включающие обстоятельства, объединяемые, с одной стороны, семами 'быстро' и 'коротко' (*быстро, скороговоркой, словоохотливо, торопливо, поспешно, немедленно, моментально, живо, без умолку, безудержно, коротко, кратко, нетерпеливо, отрывисто*), а с другой – семами 'медленно', 'долго' (*вяло, нараспев, степенно*). Например: «*Ничком, что ли, лежала?*» – *быстро* перебил пристав (Акунин, Ф.М., с. 126); *На призыв повиниться перед обер-прокурором Пелагея поспешно сказала...* (Акунин, Пелагия и красный петух, с. 38); «*Бросьте*», – *вяло* ответил *Мефистов* (Акунин, Весь мир театр, с. 87).

Наречия подгруппы 1.1.4, характеризующие тембр голоса говорящего, образуют ряды, противопоставленные в стилистической шкале, если можно так сказать, по признаку приятности / неприятности тембра: *мягко / хрипло, раскатисто*. Ср.: *...из самой середины сада донесся голос, мягко спросивший что-то на неизвестном наречии* (Акунин, Пелагия и красный петух, с. 205); «*Марин, вы меня простите*», – *хрипло* сказала *Глафира* (Устинова, На одном дыхании!, с. 60).

Слова, входящие в подгруппу 1.1.5, указывают на тон (высоту) голоса и организуются в антонимичные ряды смысловыми семами 'высокий тон' (*тоненько, по-заячьи*) и 'низкий тон' (*глухо, поглубже, погуще*). Ср.: *Марина тоненько, по-*

заячи закричала... (Устинова, На одном дыхании!, с. 281); *Пожалуй, говорит это следовало не так, поглубже, погуще, не столько с удивлением, сколько с легкой завистью к другому, недоступному миру сложных чувств* (Устинова, На одном дыхании!, с. 50).

Обстоятельства со значением общей тональности речи, ее основного эмоционального настроения, окраски образуют подгруппу 1.1.6, в которой выделяются парадигмы, противопоставленные семами «выразительности» тона (*пылко, вдохновенно, горячо, деловито*) и «однообразности», невыразительности тона (*монотонно*). Ср.: «*Мои произведения уникальны и существуют только в единственном числе!*» – *вскричал итальянец пылко* (Устинова, На одном дыхании!, с. 150); «*Меня ударили*», – *монотонно* выговорила она (Устинова, На одном дыхании!, с. 43).

Обстоятельственные распространители, характеризующие манеру говорить, присущую тому или иному герою художественного произведения, выделены нами в отдельную подгруппу 1.2: *капризно, шаловливо, ухарски, фальшиво, интимно*. См., например: «*Аппарат абонента выключен*», – *интимно* сообщила ей неведомая телефонистка (Устинова, Пять шагов по облакам, с. 292).

Часть характеристик манеры говорения с грамматической точки зрения представляют собой обстоятельства, выраженные наречиями-сравнениями: *по-солдатски, по-секретарски*, ср.: «*Рад стараться!*» – *по-солдатски* отсалютовал Ловчилин (Акунин, Весь мир театр, с. 68).

Немногочисленная по составу подгруппа 1.3 включает нейтральные по стилистической окраске обстоятельства, характеризующие форму речи по способу осуществления речевого действия: *сказал вслух*; его периодичности: *вновь* заговорила; места положения коммуникантов: *вдогонку* велела, *сказал поблизости, издали* крикнул; и их реакции на реплику-стимул или ситуацию речевого акта: *неожиданно* сказал, *сказал вдруг, запоздало* спросил, *эхом* повторила. Ср.: «*Проходите*», – *издалека* пригласила Глафира (Устинова, На одном дыхании!, с. 318).

Последняя подгруппа 1.4 объединяет нейтральные с точки зрения стилистической окрашенности адвербиалии, которые характеризуют языковую систему, служащую средством общения: *говорил по-французски, по-английски*. Ср.: *Максимус Росси по-английски* тоже говорил довольно сносно (Устинова, На одном дыхании!, с. 148).

Вторая группа включает ряды обстоятельств образа действия, характеризующих сторону речевого процесса с точки зрения важности, значимости содержания произносимого, его ясности, понятности, степени подготовленности и уместности. Актанты этой группы могут быть объединены **общим значением характеристики содержательной стороны речи**, хотя мы отдаем себе отчет в известной степени условности такой классификации.

Подгруппу 2.1 образуют обстоятельственные конкретизаторы, указывающие на важность, значимость для говорящего того, о чем идет речь; сюда же относятся уточнители, указывающие на интерес к содержанию речи: *серьезно, внушительно, назидательно, наставительно, заинтересованно, мимоходом* (посоветовал). См.: «*Да уж просят*», – произнес привратник так *внушительно, что прокурор* больше ни о чем спрашивать не стал (Акунин, Пелагия и красный пух, с. 175).

В третью группу входят обстоятельства образа действия, представляющие через речевую характеристику **внутреннее состояние говорящего**. В зависимости от того, какой аспект внутреннего состояния персонажа актуализируют обстоятельственные слова, выделяются следующие подгруппы.

Подгруппа 3.1 объединяет конкретизаторы, с одной стороны, обозначающие внутреннюю уверенность, готовность персонажа к чему-л., проявляющиеся в

речи; а с другой – характеристики, регистрирующие отсутствие у говорящего отмеченных качеств: *твердо, решительно, настойчиво, упрямо, самоуверенно, убежденно, удовлетворенно и неуверенно, недоверчиво, нерешительно, осторожно, остолбенело, оторопело, робко, растерянно, беспомощно*. Ср.: «Мог», – *возразила Глафира убежденно* (Устинова, На одном дыхании!, с. 104); «Костенька», – *сказала Марина растерянно* (Устинова, На одном дыхании!, с. 53).

Обстоятельства, нейтрально характеризующие интеллектуальный аспект внутреннего состояния говорящего (процесс размышления, обдумывания произносимого), образуют подгруппу 3.2: задумчиво: «*А что такое альков?*» – *задумчиво уточнил Прохоров* (Устинова, На одном дыхании!, с. 32).

Характеристики внутреннего состояния, указывающие на общее самочувствие, настроение, расположение духа говорящего, входят в подгруппу 3.3, смежную и частично пересекающуюся с обстоятельствами, манифестирующими эмоциональное состояние персонажа. Выделенные наречные парадигмы, с одной стороны, обозначают приподнятое расположения духа и настроения (*охотно, жизне-радостно, жизнеутверждающе, самозабвенно, торжествующе*), с другой – сниженное, подавленное, угнетенное и т. д. (*неохотно, устало, тупо, сухо*). Ср.: «*А то, что номер телефона у неё не тот*», – *заключила Варя торжествующе* (Устинова, На одном дыхании!, с. 295); «*Все из-за бабок*», – *повторил Дэн устало* (Устинова, На одном дыхании!, с. 262).

Подгруппу 3.4 составляют обстоятельственные характеристики, обозначающие эмоциональное состояние говорящего, которое В. Н. Телия определяет как чувство-состояние. Это как бы след эмоциональной реакции: оно кратковременно и полностью зависит от ситуации (таковы раздражение, гнев, радость и др., которые могут сопутствовать многим ситуациям) [17, с. 205–206]. В зависимости от чувства-состояния, испытываемого героем в момент речи, все обозначения этой подгруппы дифференцируются по шкале, нулевая ступень которой выражается наречием *спокойно* и его синонимами, например: «*Глаша*», – *сказал он совершенно спокойно* (Устинова, На одном дыхании!, с. 105).

В зависимости от чувства, сопровождающего акт говорения, в составе «плюсовой» зоны этой подгруппы можно выделить ряды актантов, обозначающих разную степень удивления: *удивленно, изумленно, восхищенно*; радостного состояния: *весело, восхищенно, радостно, восторженно, торжественно*. См.: «*Вы так сильно любите жену?*» – *удивленно спросил он* (Акунин, Весь мир театр, с. 433); «*Здоровенная!*» – *восхищенно сказал Пирогов* (Устинова, На одном дыхании!, с. 224).

Обстоятельственные слова, характеризующие «минусовую» зону эмоций, манифестируют внутренние состояния персонажей, проявляющиеся в разной степени волнения: *взволнованно, нервно, тревожно, облегченно*; страдания: *жалобно, обиженно*; стыдливости: *конфузливо, стыдливо, виновато, покаянно*; печали: *грустно, печально, хмуро, тоскливо, уныло, мрачно, угрюмо*; страха: *испуганно*; разочарования: *разочарованно, огорченно, сокрушенно*. Ср.: *Маньяк же, увидев Фандорина, конфузливо пробормотал: Здравствуйте* (Акунин, Ф. М., т. 2, с. 70); «*О чем они?*» – *нервно спросила Пелагия* (Акунин, Пелагия и красный петух, с. 530).

Четвертая группа объединяет обстоятельственные распространители с инвариантным значением оценки, обозначающие разного рода **отношения, возникающие в процессе речи между говорящим и слушающим**. Сюда входят слова, передающие отношение говорящего к своему собеседнику; оценочные отношения, которые квалифицируются в аспекте нравственности, морали; слова со значением самооценки героя или оценки произносимого им, а также актанты, выражающие оценку речи одного героя другим.

Подгруппа 4.1 об'єднує актанты, експліцируючі відношення говорящого до свого собеседника, яке виступає в формі емоційної або етичної (відношення по-доброму / відношення до зла) оцінки. В. Н. Телія називає емоційну оцінку, передає відношення, почуттям-відношенням. В відміння від почуття-стання, повністю залежачого від ситуації, почуття-відношення – це як би «продумане» емоційне відношення, соціологізоване по своїй природі. Наприклад, невідповідність собеседника або його поступків, властивостей і т. д. еталону або стереотипу, які складаються в обиходно-бутовій картині світа, викликає у говорящого почуття-відношення пренебреження, яке може супроводжуватися негативною емоційною реакцією. Ця реакція завжди буде більш слабкою по інтенсивності в порівнянні з таким почуттям-відношенням, як презривість: тут не доходить до гніву, ярості, а присутні більш «слабкі» емоції – невдоволення, злість і т. д. [17, с. 206–207].

Нульовий рівень оцінки-відношення в аналізованій підгрупі виражають обставини *равнодушно, безучастно, безразлично, безмятежно, дежурно*, наприклад: «А-а, Марк», – сказала вона абсолютно **безразлично** и прищурилась за очками (Устинова, На одному диханні!, с. 317).

Інші члени підгрупи достатньо чітко розподіляються по стилістическим парадигмам з значенням доброжелателного і недоброжелателного відношення. В залежності від почуття-відношення, яке відчуває персонаж до собеседника, в обох зонах цієї підгрупи можна виділити ряди актантів, які мають градуальну структуру. В «плюсовій» зоні інтегруючими смисло-вими компонентами виступають семанти, маніфестуючі благожелательность: *добродушно, благодушно, благожелательно, великодушно, миролюбиво, привітливо, ввіжливо, радушно*; уважение: *почтительно*; любезность: *любезно*; різні відтінки нежности: *ласково, сердечно*. Сп., наприклад: «Позавчера у Вадима не работал телефон», – **сердечно** сказала Лера (Устинова, П'ять кроків по хмарах, с. 59); «Я сам о себе доложу», – *благодушно* ответил Э. П. (Акунін, Весь світ театр, с. 430).

Противоположну зону утворюють ряди з інтегруючим значенням холодности: *недобро, строго, сурово*; неуважения: *непочтительно*; насмешки: *насмешливо*; пренебрежения: *презрительно, язвительно, ядовито*; недовольства: *раздраженно, раздражительно, сердито*; враждебности: *зло, мстительно, свирепо, угрожающе*. Наприклад: Да, – **язвительно** сообщила Лера, – представьте себе! (Устинова, П'ять кроків по хмарах, с. 65); Варя, – перебил Волошин **угрожающе**, – прекратите (Устинова, На одному диханні!, с. 339).

Слідуюча подгруппа обставин (4.2.) характеризує мовне поведіння говорящого з точки зору його чесності, відкритості по відношенню до собеседника (*честно, искренне*) і навпаки (*фальшиво, лукаво*). Сп.: *Интересовал, конечно, – почему-то честно* ответила Глафира (Устинова, На одному диханні!, с. 155); *Если, конечно, пожелает, – лукаво* подумала Элиза (Акунін, Весь світ театр, с. 166).

Особое місце серед обставин, які характеризують відношення між учасниками художественної комунікації, займають слова, які вказують на прагнення говорящого оказати вплив на слухача, побудити його до відповідної реакції. В пропонуваній класифікації вони увійшли в подгруппу 4.3: *про-никновенно, умоляюще, просительно, ревниво*. Наприклад: *Такая, такая, – заговорил отец умоляюще* (Устинова, На одному диханні!, с. 236).

Таким чином, проведене дослідження дозволяє виділити ЛСГ наречій-конкретизаторів, які характеризують: 1) зовнішню сторону мовного процесу з аспекту інтенсивності звучання, чіткості і легкості промовлення, швидкості промовлення слів і тривалості промовлення; тембра, інтонації і тона

речи, особенностей произношения и т. д.; 2) содержание высказывания с точки зрения его важности, истинности, понятности, уместности и периодичности; 3) внутреннее состояние говорящего, заключающееся в его уверенности, готовности к чему-либо, желании действовать и наоборот; 4) эмоциональное состояние говорящего, не влияющее на его отношение к собеседнику, и 5) эмоциональное и внутреннее состояние, проявляющееся в нейтральном, положительном или негативном отношении к собеседнику.

Следует отметить, что многие наречия в художественном контексте могут совмещать различные характеристики речи, например, наречия, эксплицирующие силу громкости голоса, одновременно выражают и соответствующее эмоциональное состояние персонажа. Способность наречий выражать различные характеристики, значимые в художественном дискурсе, вполне может стать предметом самостоятельного изучения, перспективным для дальнейшей работы в этом направлении.

Библиографические ссылки

1. Антонова С. М. О роли обстоятельственной сочетаемости в актуализации семантики глаголов говорения / С. М. Антонова // Семантическая структура слова : сб. науч. тр. – Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 1984. – С. 127–135.
2. Беспалова Ю. В. Лингвостилистический потенциал лексики речевого действия (на материале произведений А.И. Куприна и В. В. Вересаева) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Ю. В. Беспалова. – Днепропетровск, 2002. – 198 с.
3. Битехтина Г. А. О формальном выражении частных синтаксических функций определительных наречий / Г. А. Битехтина // Спорные вопросы синтаксиса. – М. : Изд-во МГУ, 1974. – С. 63–81.
4. Ермакова О. П. О некоторых общих вопросах словообразования наречий / О. П. Ермакова // Развитие словообразования современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 45–56.
5. Ермакова О. П. О связи словообразовательных и синтаксических явлений / О. П. Ермакова // Вопросы синтаксиса русского языка. – Калуга, 1969. – С. 34–46.
6. Ившина Т. П. Реализация эстетических возможностей наречия в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. П. Ившина. – Ижевск, 2002. – 261 с.
7. Коренькова Е. В. Качественное наречие как элемент идиостиля : на материале художественной прозы И. А. Бунина и Б. К. Зайцева : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Коренькова. – СПб., 2003. – 168 с.
8. Кружилина М. В. Всегда ли семантика наречия повторяет семантику прилагательного / М. В. Кружилина // Русский язык в школе. – 1993. – № 4. – С. 80–84.
9. Максимова Т. В. Адвербиальная сочетаемость русского и английского префиксального глагола / Т. В. Максимова // Русский глагол в сопоставительном освещении. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 160–167.
10. Набатчикова Т. П. Наречие в былинном тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. П. Набатчикова. – Курск, 1997.
11. Ножкина Э. М. Средства выражения адвербиального признака в эпистолярном стиле / Э. М. Ножкина // Вопросы стилистики. – Саратов, 1989. – Вып. 23. – С. 132–145.
12. Основы теории коммуникации / под ред. М. В. Василика. – М., 2003. – 616 с.
13. Пеньковский А. Б. Очерки по семантике русских наречий. Наречие *впервые* / А. Б. Пеньковский // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1977. – Вып. 1. – С. 41–50.
14. Савёлова Л. А. Аспекты прагмасемантического описания системы русского наречия / Л. А. Савёлова. – Архангельск : Поморский ун-т, 2009. – 262 с.
15. Самаркина Н. К. Адвербиальная валентность английского глагола : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. К. Самаркина. – Калинин, 1971. – 23 с.
16. Сидорец В. С. В поисках точного слова. О наречиях в прозе И. А. Бунина / В. С. Сидорец // Русская речь. – 1979. – № 5. – С. 27–29.

17. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
18. **Теплякова Л. С.** Средства художественно-образной конкретизации глаголов говорения (на материале произведений Ф. М. Достоевского) / Л. С. Теплякова // Лексика русского языка. – Рязань : Рязан. пед. ин-т, 1979. – С. 76–80.
19. **Туманова Н. Л.** Сочетаемость глаголов речи с определенными наречиями / Н. Л. Туманова // Исследования по семантике. – Уфа, 1980. – С. 89–96.
20. **Шмелев Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1973. – 220 с.

Надійшла до редколегії 25.05.11

УДК 81'1

О. В. Лавриненко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Присвячено особливостям зародження та становлення теорії мовленнєвих жанрів як особливого напрямку сучасної лінгвістики. Розглянуто проблеми базових одиниць теорії мовленнєвих жанрів, а також висвітлено основні вектори майбутнього розвитку цієї дисципліни.

Ключові слова: мовленнєвий жанр, теорія мовленнєвих жанрів, мовленнєвий акт, дискурс.

Посвящена особенностям зарождения и становления теории речевых жанров как особого направления современной лингвистики. Рассмотрены проблемы базовых единиц теории речевых жанров, а также освещены основные векторы будущего развития этой дисциплины.

Ключевые слова: речевой жанр, теория речевых жанров, речевой акт, дискурс.

The article is devoted to features of origin and formation of the theory of speech genres as a special direction of modern linguistics. Problems of basic units of the theory of speech genres are considered, and also the basic vectors of the future development of this discipline are elucidated.

Keywords: a speech genre, the theory of speech genres, the speech act, a discourse.

Теория речевых жанров (генристика, лингвистическая генология, жанроведение) – лингвистическая дисциплина (направление коммуникативной лингвистики), рассматривающая всю языковую деятельность человека как совокупность речевых жанров, имеющих свои правила порождения и определённую норму.

Термин *лингвистическая генология* возник в польской лингвистике и связан прежде всего с работами Анны Вежбицкой. Термины *генристика* и *жанроведение* употреблялись и употребляются как синонимы, хотя недавно было высказано предложение противопоставлять с помощью этих терминов два разных направления теории речевых жанров [12, с. 43–55], о чём будет упомянуто ниже.

Как отдельное лингвистическое направление, теория речевых жанров начала формироваться в 70–80-х годах XX века. В основу нового направления лингвистических исследований легли идеи М. М. Бахтина, фигурировавшие ещё в книге «Марксизм и философия языка» (1929) [5, с. 349–486], но более отчётливо и предметно сформулированные в статье «Проблема речевых жанров» [3], которая была написана ориентировочно в 1953–1954 году [18, с. 536], а впервые опубли-